

Ревизионистская революция в выготсковедении:

На пути к выготскианской авангардной «науке о Сверхчеловеке» в 21 веке

Антон Ясницкий

(Торонто, Канада, anton.yasnitsky@gmail.com)

Лев Выготский (1896-1934) является одним из самых известных русскоязычных психологов во всем мире и, согласно специальному исследованию, занимает третью позицию среди своих соплеменников (после Ивана Павлова и Александра Лурии), вошедших в список ста самых известных в Северной Америке психологов 20 века (на 81 позиции из 100). Следует признать, что это очень неплохой результат с учетом того, что слава Выготского распространяется очень неравномерно среди представителей разных дисциплин и сфер общественной деятельности в разных странах мира. Так, Выготский (и в первую очередь фраза «зона ближайшего развития», впервые появившаяся в текстах Выготского последних двух-трех лет его жизни) очень хорошо известен в первую очередь работникам сферы народного образования и, в значительно меньшей степени, в области психологии развития и, в ещё меньшей степени, психолингвистики в Северной и Южной Америке. За пределами этих дисциплинарных, социально-практических и географических рамок известность имени Выготского, не говоря уже о его интеллектуальном наследии минимальна, а в целом ряде случаев стремится к нулю. Тем не менее, именно за счет его большой узнаваемости в обозначенной интеллектуально-географической нише, Выготскому удалось войти в тройку самых известных русскоязычных психологов прошлого века.

Десятилетие, прошедшее между 110 и 120 годовщинами со дня рождения Льва Выготского (2006-2016) ознаменовалось целой серией новых, воистинно революционных исследований по истории русской психологии, которые дали основания говорить об «архивной революции» (Yasnitsky, 2010), а затем даже и о «ревизионистской революции в выготсковедении» (Yasnitsky, 2012), то есть в такой области исторических, текстологических, методологических и теоретических исследований, которые ставят своей целью критическое изучение научного наследия Л.С. Выготского (1896-1934), А.Р. Лурии (1902-1977) и круга их сотрудников, или же, иными словами, так называемого «Круга Выготского-Лурии» (Yasnitsky, 2009, 2011b). Более того, 2016 год открыл новый период в разработке актуальных вопросов выготсковедения и вывел их на качественно новый уровень, требующий привлечения внимания исследователей-выготсковедов к вопросам, лежащим вне рамок выготсковедения как такового. К таким вопросам относятся, например, проблемы авангардной «науки о Сверхчеловеке», заложенной в текстах Выготского, и ее развития программе исследований, выполненных в работах его учеников и фактических продолжателей его дела, вне зависимости от того, насколько благосклонным или критическим было их отношение к наследию Выготского на момент его смерти в 1934. Другим важным проблемным полем является разработка вопросов построения подлинно марксистской психологии в альтернативных, «невыготскианских» исследовательских (теоретических, эмпирически-экспериментальных, и прикладных) научных проектах десятилетия 1930х годов и далее.

Эта статья дает краткий обзор этих исследований и в заключение предлагает краткое обсуждение потенциала наследия Выготского (и связанных с ним идей) в свете ревизионистской революции и с точки зрения актуальных задач современного психологического исследования начала 21 века.

Критика «Культа Выготского»

Положение дел с наследием Выготского в наши дни нередко характеризуется как «бум» или, более критически, «культ Выготского» в РФ и за рубежом. Тем не менее, корни этого культа уводят историю на несколько десятилетий назад. Так, еще в 1981 г. в своей поразительно современно звучащей работе «Значение теории Л. С. Выготского для психологии и дефектологии» ее авторы В. В. Лучков и М. С. Певзнер подчеркивали: «Трудам Л.С. Выготского не слишком повезло в научном литературоведении: сначала их долго не печатали и не читали. Потом напечатали в скромном объеме и избирательно, а прочитали через призму тех модификаций его взглядов, которые сложились за десятилетия, прошедшие после его смерти, т. е. прочитали неполно и пристрастно». Более того, говоря о «пристрастных интерпретациях Выготского и столь же пристрастных реакциях на такие интерпретации», эти авторы подчеркивают, что «вызывает сомнение корректность [такого] названия теории деятельности [как] «теория деятельности Выготского—Леонтьева—Лурии», равно как и, вообще, выстраивание в линию трех названных фамилий применительно к этой теории. Более того, в последнее время в школе Леонтьева стало принятым говорить и более широко о «школе Выготского— Лурии—Леонтьева» (см., например, Зинченко, 1981), что, по нашему мнению, также неправомерно». Наконец, авторы постулируют следующее: «наш вводный тезис сводится к утверждению необходимости максимально развернутой реконструкции теоретических взглядов Выготского — к созданию «выготсковедения» как актуальнейшего теоретического направления в развитии советской психологии. На этом пути необходимо получить ответ на целый ряд вопросов, попутно преодолевая начинающие складываться мифы о Выготском. В первую очередь нас должны интересовать, по меньшей мере, ответы на следующие вопросы: 1) как следует изучать Выготского? 2) что сделал в психологии и чему научил психологов Выготский?» (Лучков & Певзнер, 1981)

Сходная критика «культа Выготского» постоянно звучит и в западной литературе на протяжении уже трех десятилетий. Один из самых ранних критических пассажей в адрес западного выготскианского наследия прозвучал в книге Яана Валсинера в 1988 и, к сожалению, не утратил своей актуальности вплоть до наших дней. Более того, думается, это рассуждение в равной мере приложимо и к описанию состояния дел в современной русскоязычной психологии: «Интерес современных психологов к идеям Выготского в самом деле парадоксален. С одной стороны, его работы, казалось бы, растут в популярности в Европе и Северной Америке. С другой стороны, однако, вдумчивый анализ и детальное понимание контекста идей Выготского встречается редко... Выготский вызывает впечатление автора, международная известность которого неуклонно растет, при том что его работа остается мало понятой. Корни его идей в западном философском и психологическом дискурсе остаются в основном скрытыми [от его многочисленных поклонников]. Его идеи редко развиваются дальше, либо по теоретической, либо по эмпирической линии»(Valsiner, 1988). В этом контексте и вполне созвучно с русскоязычными ревизионистскими публикациями наподобие В.В. Лучкова и М.С. Певзнер (1981) в англоязычной литературе конца 1980х звучит критика

самопровозглашенных «выготскианских» ученых. В целях экономии места отсылаем читателя к прекрасному обзору всей этой критической литературы в русско- или англоязычных статьях о Льве Выготском в википедии. «Культ Выготского», равно как определенный набор положений собственно научного наследия Выготского, например, его марксистские установки (Jones, 2019) и психолингвистические открытия и находки (Zhang, 2019), подверглись острому критическому анализу и пристальному рассмотрению в недавно опубликованной книге, вышедшей под характерным названием «Questioning Vygotsky's Legacy: Scientific Psychology or Heroic Cult» (Yasnitsky, 2019a). Следует отметить, что это первая в истории книга, где фраза «героический культ» используется в самом названии применительно к научному наследию Выготского, хотя и в качестве полемиического пункта и проблемы, выставленной на обсуждение.

В свете всех этих многочисленных критических заявлений в адрес «выготскианства» и «культа Выготского» несчастливым представляется появление современного интеллектуального движения, которое стремится преодолеть недостатки традиционного «выготскианского» дискурса и научного наследия и предложить новые пути его развития—с опорой на исторически подлинные разработки самих Выготского и Лурии и, с другой стороны, в контексте науки 21 века.

Предыстория ревизионистского поворота: три источника и три составные части ревизионизма

Можно выделить три источника и три составные части ревизионистского поворота в выготсковедении, которые, собственно говоря, и позволили ему сформироваться как особой области знания, международно известной и признанной как *Vygotsky Studies*.

Во-первых, ревизионистская революция не смогла бы состояться без «архивной революции», произошедшей в ряде исследований, выполненных, начиная с 2006 года, параллельно в РФ и за рубежом на материалах архивных документов, обнаруженных в частных и ведомственных архивах в РФ, Восточной и Западной Европы и в Северной Америке. Среди наиболее заметных собственно архивных исследований и публикаций следует отметить серию работ, выполненных Е.Ю. Завершневой (отчасти в соавторстве) на материалах, обнаруженных в личных архивах семьи Выготского и опубликованных преимущественно в журнале «Вопросы психологии»; см., напр., (Zavershneva, 2014; ван дер Веер & Завершнева, 2012; Завершнева, 2008a, 2008b, 2009a, 2009b, 2012, 2013; Завершнева & Осипов, 2010).

Другой исследовательский проект, также стартовавший в 2006, был проведен в архивах Украины на материале документов, относящихся к коллективу сотрудников Выготского, Лурии и Леонтьева, работавшему в Харькове в довоенные годы (Yasnitsky & Ferrari, 2008a, 2008b; Ясницкий, 2008, 2009, 2012b). Примечательны, хотя и более редки, работы, проведенные на материале архивов Лурии, например, исторические исследования и комментированные издания архивных документов (Александрова, 2016; Ахутина, 2012; Лурия, 2012, 2014; Ясницкий, 2012c). В последнее время начинают также появляться публикации, выполненные на основе неопубликованных документов Выготского и Лурии из западных архивов за пределами РФ (Yasnitsky, 2012; Ясницкий, 2012a), в том числе, например, небольшой очерк о франкофонной статье Лурии по дефектологии, опубликованной в Париже в 1936 году (Lamdan & Yasnitsky, 2013). Опубликованы также и другие работы этого плана,

например, сенсационное исследование о заграничной переписке Лурии периода Второй мировой войны (1939-1945) (Ясницкий, Ламдан, & Ван дер Веер, 2017). Также весьма примечательно и сравнительно недавнее диссертационное исследование о «теоретической истории» революционной «романтической науки» А. Лурии, выполненное с привлечением обширного набора архивных документов и защищенное Ханной Проктор в Лондоне в 2016 году (Proctor, 2016). К исследованиям этого рода примыкает серия текстологических работ, посвященная сравнительному анализу текстов Выготского в переводе на английский (Van der Veer & Yasnitsky, 2011, 2016a) и в их публикациях в оригинале, то есть на русском языке (Kellogg, 2011a, 2011b; Kellogg & Yasnitsky, 2011; Mecacci & Yasnitsky, 2011; Zavershneva, 2012; Завершнева, 2009a; Завершнева & Осипов, 2010, 2012).

Во-вторых, важный прорыв состоялся благодаря смещению исследовательского фокуса с фигуры, личности и наследия Выготского на обширный научный коллектив и неформальную сеть контактов, известную в литературе как «круг Выготского», а точнее—как «круг Выготского-Лурии». В этих исследованиях представлен «выготскианский проект» не как плод ума «одинокое гения психологии», а как результат мультидисциплинарной и разнонаправленной работы географически распределенного и сравнительно мало координированного коллектива исследователей из нескольких десятков человек—сотрудников и единомышленников Выготского и Лурии как в Советском Союзе, так и за его пределами (Yasnitsky, 2009, 2011b, 2016c). Наиболее полный список имен сотрудников и единомышленников Выготского и Лурии опубликован в Приложении к книге, вышедшей под редакцией Ясницкого и Ван дер Веера «Revisionist Revolution in Vygotsky Studies» (Yasnitsky & Van der Veer, 2016a).

В-третьих, огромный вклад в ревизионистское движение в выготсковедении внесла ревизионистская историография России и Советского Союза периода нескольких последних десятилетий (в частности, работы Ш. Фитцпатрик, С. Коткина, Д. Хоффмана, М. Дейвида-Фокса, Н. Кременцова, А. Кожевникова и мн. др.), которая основательно перевернула и существенно обогатила наши традиционные представления о советской и русской науке как социальном институте, взаимоотношении власти и общества, научных исследований, идеологии и пропаганде, и т.п. Краткий обзор нескольких ревизионистских волн в историографии России и СССР см. в (Дмитриев, 2007)

Обзор ревизионистских работ десятилетия (2006-2016)

Итак, что же было сделано конкретно? Какие инновации и головокружительные, сенсационные открытия принесла нам ревизионистская революция в выготсковедении? Основные находки и отрывки можно подытожить в виде основных 8 (восьми) тезисов.

1. «Культ Выготского» зародился, по всей видимости еще в середине 1930х, но в полной мере получил свое развитие в послевоенный период, в условиях «сталинской модели науки» (Kojevnikov, 2004; Kremontsov, 1997; Кременцов, 1994, 1997; Сорокина, 1997), сохранившейся в РФ—хоть и с некоторыми существенными трансформациями—вплоть до наших дней (Yasnitsky, 2016b; Ясницкий & Завершнева, 2009). Именно это и предопределило культовый статус этого научного деятеля и, очевидно, послужило основной причиной заметных искажений его научного наследия в публикациях его работ советского периода и их массовой рецепции в известном нам виде и формах (Yasnitsky, 2018, 2019b; Ясницкий, 2015a, 2015b).

2. Традиционно постулируется, что существовал официальный «запрет на Выготского» в сталинский период от постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» 1936 года вплоть до первого переиздания в 1956 г. посмертного сборника работ Выготского «Мышление и речь» (1934). Как показывает специальное исследование, такого двадцатилетнего «запрета на Выготского» и его научное наследие никогда не было. И напротив, есть основания говорить о неофициальном, фактическом умалчивании и цензуре которой подверглось научное творчество Выготского в 1960е-1970е годы, когда самопровозглашенные «ученики Выготского» занимали лидирующие позиции в административном руководстве советских и международных психологических организаций (Fraser & Yasnitsky, 2015, 2016). Эти выводы опираются во многом на опубликованные воспоминания Г.П. Щедровицкого и В.П. Зинченко (Зинченко, 2003; Щедровицкий, 2001).

3. Целый ряд текстов Выготского позиционируются как его центральные и основополагающие теоретические работы. С другой стороны, как показали исследования, эти тексты либо не были завершены и подготовлены к печати их автором, либо были сфальсифицированы после смерти их автора. Этот вывод распространяется на ряд текстов, известных под названиями: «(Исторический) Смысл психологического кризиса», «История развития высших психических функций», «Орудие и знак в развитии ребенка» и др. (Van der Veer & Yasnitsky, 2016b; ван дер Веер, 2012; Гольдберг, 2012; Завершнева, 2009а; Коул, 2012; Ренатус, 2012; Ясницкий, 2011, 2017).

4. Сходным образом, целый ряд понятий, фраз и выражений, которые позиционируются как центральные и фундаментальные в «теории Выготского» использовались им в его оригинальных текстах и прижизненных публикациях либо крайне редко, либо не использовались никогда. Это касается таких слов и выражений как, например, «интериоризация», «высшие психические функции» и «культурно-историческая» теория/психология (Keiler, 2012, 2019; Yasnitsky, 2011a; Кайлер, 2012; Ясницкий, 2011). Более того, сохранились источники, где Выготский открыто и решительно высказывается против использования тех или иных понятий и выражений, которые не только традиционно ему приписываются, но и постулируются как его основное достижение и теоретическая инновация. Например, обсуждая название собственной теории и исследовательского метода, Выготский периода 1930х годов эксплицитно отвергал такие их атрибуты как «инструментальный», «культурный», «сигнификативный» (т.е. относящийся к «знаку») или «конструктивный» (Zavershneva, 2016, pp. 105–106; Завершнева, 2008а, pp. 144–145). Размышляя о центральном понятии своей незаконченной теории, Выготский говорит о понятии «высшей функции», но при этом подчеркивает в своих частных документах и опубликованных работах принципиальнейшее положение, что речь идет не о «психических», а о «психологических» функциях, иными словами, о «высших психологических функциях» (Zavershneva, 2016, p. 117; Завершнева, 2008b, p. 130). В наиболее развернутом виде эти положения Выготского можно найти в его прижизненно опубликованной работе (Выготский, 1930).

5. На протяжении 1920х годов Выготский создал некое подобие научной—механистической и редуccionистской—теории «инструментальной психологии», которую сам же успешно разрушил в публичной и частной самокритике периода начала 1930х годов. Именно в этот период 1930х годов Выготский и Лурия испытывали значительное влияние гештальт-психологии и в первую очередь работ и идей таких ее деятелей как Макс Вертхаймер, Курт Коффка, Курт Гольдштейн, Курт Левин и их учеников и последователей—сотрудников Выготского и Лурии, Гиты Биренбаум, Блюмы Зейгарник и Нины Каулиной. Именно под влиянием немецко-американской «целостной

психологии» Выготский и начал значительную перестройку собственной психологической концепции, но эта попытка осталась незавершенной, а ее автор скончался, по собственному признанию, «на пороге» новой теории, увидев лишь общие ее очертания. В некоторых публикациях последнего времени этот укрепляющийся альянс между советскими и германо-американскими психологами и сближение их теоретических позиций получил несколько дискуссионное название «культурно-исторической гештальт-психологии» (Yasnitsky, 2012, 2016a; Ясницкий, 2012a).

6. Выготский неоднократно заявлял о своей марксистской приверженности в науке. Более того, он был активным участником большевистского преобразования советского общества в качестве чиновника среднего звена в системе Наркомпроса РСФСР и депутата одного из районных выборных органов власти в Москве (Yasnitsky, 2018). Несомненно, он был горячим последователем Льва Троцкого, по крайней мере тех его идей, где Троцкий, вполне в духе «русского ницшеанства» первой половины 20 века (Rosenthal, 1986, 1994, 2002), излагает о «новом человеке» коммунистического будущего, который по своим физическим, моральным, артистическим и психологическим качествам будет на голову превосходить современного ему человека (Троцкий, 1923). Эта же тема в разных формах не оставляет и Выготского в разных формах и формулировках на протяжении всей его научной карьеры вплоть до самой его смерти. Более того, несомненно, именно эта тема и составляет сердцевину и лейт-мотив всего научного творчества Выготского на его пути построения «новой психологии» и «науки о Сверхчеловеке» (Yasnitsky, 2019b).

7. Тем не менее, согласно проведенному исследованию среднеазиатских экспедиций Лурии 1931 и 1932 годов, следует признать марксизм Выготского вплоть до начала 1930х годов, хоть и предположительно, согласно традиционной оценке, «искренним», но в теоретическом отношении поверхностным и вульгарным. Также обращает на себя внимание ламаркизм Выготского и Лурии, характерный для той революционной эпохи и проявившийся в ряде их текстов и, в частности, в организации и интерпретации результатов среднеазиатских экспедиций Лурии (Allik, 2013; Goncharov, 2013; Lamdan, 2013; Lamdan & Yasnitsky, 2016; Proctor, 2013; Гончаров, 2013; Ламдан, 2013; Ясницкий, 2013).

8. Посмертная слава и культовый статус Выготского развивались параллельными курсами как в СССР, так и за его границами. Тем не менее, существенны и немалые различия. Так, в СССР «культ Выготского» был базисной и системообразующей установкой для клана так называемых «выготчан», известных также под собирательным условным названием «учеников Выготского» (Щедровицкий, 2001). Эта группа ассоциируется в первую очередь с именами Александра Лурии (1902-1977) и Алексея Н. Леонтьева (1903-1979). Исследования и научные публикации Лурии (по нейропсихологии) и Леонтьева (по психологии детского развития и спекулятивно-теоретической «общей психологии») не имели между собой фактически ничего общего, т.е. не содержали общей тематической или методологической связки, и *фактически* (а не *декларативно*) не имели единой концептуально-теоретической рамки. Выготский при этом использовался этими и другими авторами как один из основополагающих элементов мифологемы о трех отцах-основателях так называемой «теории деятельности» (Зинченко, 2003) и так называемой «школы Выготского—Леонтьева—Лурии» (как вариант того же: «школа Выготского—Лурии—Леонтьева») (Лучков & Певзнер, 1981). Его работы цитировались и произвольно интерпретировались, согласно установкам и интересам того или иного клана или иерархически организованной группировки научных деятелей (так называемых «научных школ»), но—силами психологов—до начала 1980х не издавались (Зинченко, 2003). В результате множественных манипуляций с оригинальными текстами Выготского и его произвольного

социального позиционирования в Советском Союзе к концу 1970х годов сложилась такая ситуация, при которой наследие Выготского, по мнению некоторых авторов, развивалось более эффективно не на родине, а за рубежами СССР, в частности, в США (Toulmin, 1978).

9. В Северной Америке (точнее, в США и, в значительно меньшей степени, в других англоязычных странах) «выготскианство» активно продвигалось сравнительно ограниченной и малочисленной, но вполне влиятельной группой научных деятелей прокоммунистической и просоциалистической ориентации, причем Выготский выступал фактически как суррогат и носитель марксистских идей, которые презентовались в закамуфлированном виде в обстановке пост-маккартистской Америки периода Холодной войны. Тем не менее, влияние левых интеллектуалов оставалось ограниченным вплоть до конца 1970х, когда резкое падение популярности Пиаже совпало с выходом в свет книги, сконструированной из разнообразных отрывков из тестов Выготского и его сотрудников. Книга была опубликована под именем Выготского и под редакцией четырех американских авторов, один из которых предрекал книге на момент ее выхода финансовый провал, а ее редакторам репутационные потери. Тем не менее, по не до конца ясным причинам ни то ни другое не состоялось: книга была принята читателями и получила особенно ярко выраженную известность не среди психологов, а в среде работников образования как необихевиористское обоснование (точнее, пожалуй, следует говорить о «культурном бихевиоризме») для восстановления в правах учителей, несколько утративших свой статус ведущей силы в учебном процессе и целый ряд своих свобод в ходе «пиажетианской революции» 1960х-1970х, выдвинувшей в центр образовательного процесса ученика как чуть ли не самодостаточного, самостоятельного и независимого его участника (Van der Veer & Valsiner, 1994; Yasnitsky, 2014a). «Выготскианская педагогика», прочитанная и выстроенная как развитие весьма вольно истолкованного тезиса о «зоне ближайшего развития» послужила, таким образом, основной силой развития популярности Выготского в англоязычном мире и идеологической подкладкой дальнейшего развития «культы Выготского» в США, а вслед за этим и во всем мире, где «выготскианство» распространялось и развивалось в первую очередь марксистски-ориентированными научными и общественными деятелями как политически окрашенное левое течение в психологии (Toulmin, 1978).

10. За пределами США «выготскианство» развивалось во многом как продолжение, отражение и в развитие интеллектуальных и социальных мод и трендов, заложенных в Соединенных Штатах, и, в частности, подтверждают тезис о том, что нарратив о Выготском как революционном ученом, чьи идеи опередили свое время и актуальны и в наши дни, создавался, поддерживался и развивался в разных странах в основном учеными, симпатизировавшими политически левому, коммунистическому, марксистски-ленинскому социальному проекту, по крайней мере, на начальном этапе создания «культы Выготского» в том или ином культурно-социальном окружении. Тем не менее, интереснейшие исследования последнего времени, посвященные анализу процессов рецепции как социального конструирования «выготскианства» в Западной Европе, Северной и Южной Америке обозначивают контуры будущей транснациональной истории мифологемы о «неуловимом гении Выготского» (фраза Дж. Брунера) и развившемся на этом основании международного «культы Выготского» (Aguilar, 2016; Fraser & Yasnitsky, 2015, 2016; García, 2013, 2015, 2016a, 2016b, 2016c; Mecacci, 2012, 2015; Métraux, 2015; Van der Veer & Yasnitsky, 2016a).

Новая эра: В поисках футуристической авангардной науки и выготскианской «науки о Сверхчеловеке» (2016-настоящее время)

Многие из названных исследований, вкпе с рядом совсем недавних оригинальных работ, — таких как, например, новая научная библиография работ Выготского, официально опубликованных в 1920х-1930х годах на русском и еще пяти иностранных языках, — были подытожены в виде программной книги, озаглавленной «Ревизионистская революция в выготсковедении» (Revisionist Revolution in Vygotsky Studies) и вышедшей из печати в издательстве Паутледж (Yasnitsky & Van der Veer, 2016a). В середине 2016 года состоялся и выход испаноязычной, расширенной версии этой книги (Yasnitsky, Van der Veer, Aguilar, & García, 2016). Также недавно были опубликованы и некоторые приватные документы (записки, наброски, черновики, и т.п.) из семейного архива Выготского (Zavershneva & Van der Veer, 2018; Завершнева & Ван дер Веер, 2017). Очевидно, что развитие «выготскианского» наследия в 21 веке будет проходить в русле основных трендов, выявленных и отчасти заложенных в рамках ревизионистского проекта десятилетия 2006-2016.

Тем не менее, уже сейчас очевидно, что идейный потенциал наследия Выготского начинает иссякать, что, в частности, отражается в беспрецедентном ускоряющемся падении показателей цитирования Выготского на английском языке начиная с 2015 года. Очевидно, что мировая «выготскиана» находится в глубоком кризисе и нуждается в новых подходах. Таких перспективных подходов к развитию выготскианского проекта в 21 веке видится два.

Первое. Несомненный интерес вызывает линия развития исследований футуристической, авангардной «науки о Сверхчеловеке», как она была заложена в утопических текстах Льва Троцкого и Льва Выготского и развита в дальнейших исследованиях, например, в работах харьковской группы сотрудников А.Н. Леонтьева, в частности, в экспериментально-генетическом эксперименте по формированию кожной чувствительности к свету. Эти работы, проведенные на грани психофизиологии и парапсихологии остались недооцененными и недоосмысленными широкими кругами научного сообщества, а потому вызывают огромный интерес в качестве острой проблемной темы для дальнейшей строго научной разработки.

Второе. «Психологический материализм» и строго марксистская психология, как единственно возможная подлинно научная психология (как это было заявлено в работах Выготского) так и остались незавершенными проектами. Думается, с учетом повышенного и возрастающего внимания к марксистскому интеллектуальному наследию в современном мире, именно это и составляет второе основное направление «выготскианы» в наше время. Впрочем, для этого понадобится выйти за рамки собственно выготсковедения как такового и обратить пристальное внимание на работы других, недооцененных и практически не известных в мировом контексте русскоязычных (и не только) теоретиков и практиков в области психологии, таких как, например, Сергей Леонидович Рубинштейн (1885-1960). Именно этим вопросам и будет посвящена новая книга под названием «A History of Marxist Psychology: The Golden Age of Soviet Science», под редакцией А. Ясницкого, готовящаяся к публикации в издательстве Routledge/Taylor & Francis.

Literatura

- Aguilar, E. (2016). Vygotski en México: una travesía bibliográfica y otros temas breves. In A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García (Eds.), *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado* (pp. 361–373). Buenos Aires: Miño y Dávila Editores.
- Allik, J. (2013). Do primitive people have illusions? *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 40–42.
- Fraser, J., & Yasnitsky, A. (2015). Deconstructing Vygotsky's Victimization Narrative: A Re-Examination of the "Stalinist Suppression" of Vygotskian Theory. *History of the Human Sciences*, 28(2), 128–153.
- Fraser, J., & Yasnitsky, A. (2016). Deconstructing Vygotsky's victimization narrative: a re-examination of the "Stalinist suppression" of Vygotskian theory. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 50–69). London & New York: Routledge.
- García, L. N. (2013). El redescubrimiento de Vigotski. Un problema histórico y epistémico/The rediscovery of Vygotski: An historical and epistemic problem. *Revista Culturas Psi / Psy Cultures*, 1, 65–86.
- García, L. N. (2015). La «canonización» de Vigotski en España y Argentina (1978-1991). *Revista de Historia de La Psicología*, 36(2), 7–30.
- García, L. N. (2016a). Before the "boom": Readings and uses of Vygotsky in Argentina (1935–1974). *History of Psychology*, 19(4), 298–313.
- García, L. N. (2016b). Hacia el canon: Vygotski en España y Argentina (1978-1991). In A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García (Eds.), *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado* (pp. 337–359). Buenos Aires: Miño y Dávila Editores.
- García, L. N. (2016c). Versiones tempranas de Vygotski: su recepción en la Argentina (1935-1974). In A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García (Eds.), *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado* (pp. 305–336). Buenos Aires: Miño y Dávila Editores.
- Goncharov, O. A. (2013). Commentary on A.Yasnitsky's article "Kurt Koffka: 'Uzbeks DO HAVE illusions!' The Luria-Koffka controversy." *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 34–36.

- Jones, P. E. (2019). Vygotsky and Marx—Resetting the relationship. In A. Yasnitsky (Ed.), *Questioning Vygotsky's Legacy: Scientific Psychology or Heroic Cult* (pp. 22–42). London & New York: Routledge.
- Keiler, P. (2012). “Cultural-historical theory” and “Cultural-historical school”: From myth (back) to reality. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 5(1), 1–33.
- Keiler, P. (2019). A history of the social construction of the “cultural-historical.” In A. Yasnitsky (Ed.), *Questioning Vygotsky's Legacy: Scientific Psychology or Heroic Cult* (pp. 91–130). London & New York: Routledge.
- Kellogg, D. (2011a). Untangling a genetic root of Thinking and Speech: Towards a textology of Tool and Sign in Child Development. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 85–97.
- Kellogg, D. (2011b). Which is (more) original, and Does either version really matter? (A comment on A. Yasnitsky's “The Vygotsky That We (Do Not) Know: Vygotsky's Main Works and the Chronology of their Composition”). *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 80–81.
- Kellogg, D., & Yasnitsky, A. (2011). The differences between the Russian and English texts of Tool and Sign in Child Development. Supplementary and analytic materials. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 98–158.
- Kojevnikov, A. B. (2004). *Stalin's Great Science. The Times and Adventures of Soviet Physicists*. London: Imperial College Press.
- Krementsov, N. (1997). *Stalinist science*. Princeton: Princeton University Press.
- Lamdan, E. (2013). Who had illusions? Alexander R. Luria's Central Asian experiments on optical illusions. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 66–76.
- Lamdan, E., & Yasnitsky, A. (2013). “Back to the future”: toward Luria's holistic cultural science of human brain and mind in a historical study of mental retardation. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, 509.
- Lamdan, E., & Yasnitsky, A. (2016). Did Uzbeks have illusions? The Luria—Koffka controversy of 1932. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 175–200). London & New York: Routledge.

- Mecacci, L. (2012). Русская психология и психология и психиатрия в Италии во второй половине XX века. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 5(3), 73–80.
- Mecacci, L. (2015). Vygotsky's reception in the West: The Italian case between Marxism and communism. *History of the Human Sciences*, 28(2), 173–184.
- Mecacci, L., & Yasnitsky, A. (2011). Editorial changes in the three Russian editions of Vygotsky's "Thinking and Speech" (1934, 1956, 1982): Towards authoritative and ultimate English translation of the book. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 159–187.
- Métraux, A. (2015). Lev Vygotsky as seen by someone who acted as a go-between between eastern and western Europe. *History of the Human Sciences*, 28(2), 154–172.
- Proctor, H. (2013). Kurt Koffka and the Expedition to Central Asia. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 43–52.
- Proctor, H. (2016). *Revolutionary thinking: A theoretical history of Alexander Luria's "Romantic science"* (PhD thesis, Birkbeck, University of London). Retrieved from <http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/>
- Rosenthal, B. G. (Ed.). (1986). *Nietzsche in Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rosenthal, B. G. (Ed.). (1994). *Nietzsche and Soviet Culture: Ally and Adversary*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rosenthal, B. G. (2002). *New myth, new world: From Nietzsche to Stalinism*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
- Toulmin, S. (1978). The Mozart of psychology. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes by L.S. Vygotsky, edited by Michael Cole, by Vera John-Steiner, by Sylvia Scribner, by Ellen Souberman, The Psychology of Art by L.S. Vygotsky, Soviet Developmental Psychology: An Anthology edited by Michael Cole. *The New York Review of Books*, 25(14), 51–57.
- Valsiner, J. (1988). *Developmental psychology in the Soviet Union*. Brighton, Sussex: Harvester Press.
- Van der Veer, R., & Valsiner, J. (1994). *The Vygotsky reader*. Oxford: Blackwell.

- Van der Veer, R., & Yasnitsky, A. (2011). Vygotsky in English: What still needs to be done. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 475–493.
- Van der Veer, R., & Yasnitsky, A. (2016a). Translating Vygotsky: some problems of transnational Vygotskian science. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 143–174). London & New York: Routledge.
- Van der Veer, R., & Yasnitsky, A. (2016b). Vygotsky the published: who wrote Vygotsky and what Vygotsky actually wrote. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 73–93). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2009). *Vygotsky Circle during the Decade of 1931-1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education*. Ph.D. dissertation, University of Toronto.
- Yasnitsky, A. (2010). “Archival revolution” in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky’s archives. *Journal of the Russian and East European Psychology*, 48(1), 3–13.
- Yasnitsky, A. (2011a). “Kogda b vy znali iz kakogo sora...”: K opredeleniiu sostava i khronologii sozdaniia osnovnykh rabot Vygotskogo [“I Wish You Knew From What Stray Matter...”: Identifying the set of Vygotsky’s major oeuvre and determining the chronology of their composition]. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 1–52.
- Yasnitsky, A. (2011b). Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 422–457.
- Yasnitsky, A. (2012). Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor’s introduction. *Journal of Russian and East European Psychology*, 50(4), 3–15.
- Yasnitsky, A. (2014a). Vygotsky, Lev. In D. Phillips (Ed.), *Encyclopedia of educational theory and philosophy* (Vol. 2, pp. 844–846). Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Yasnitsky, A. (2014b, August). *Higher functions & “Height” Psychology: Vygotsky (Ab)Uses Leon Trotsky and Friedrich Nietzsche*. Presented at the 2° Congresso Internacional sobre a Teoria Histórico-Cultural e

a 13ª Jornada do Núcleo de Ensino de Marília, Marília, Brasil. Retrieved from [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2014\).%20Nietzsche-Trotsky-Vygotsky.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2014).%20Nietzsche-Trotsky-Vygotsky.pdf)

- Yasnitsky, A. (2016a). A transnational history of “the beginning of a beautiful friendship”: the birth of cultural-historical Gestalt psychology of Alexander Luria, Kurt Lewin, Lev Vygotsky, and others. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 201–226). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2016b). The archetype of Soviet psychology: From Stalinism of the 1930s to the “Stalinist science” of our days. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 3–26). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2016c). Unity in diversity: Vygotsky-Luria Circle as an informal personal network of scholars. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 27–49). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2018). *Vygotsky: An Intellectual Biography*. London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (Ed.). (2019a). *Questioning Vygotsky’s Legacy: Scientific Psychology or Heroic Cult*. London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2019b). Vygotsky’s Science of Superman: From utopia to concrete psychology. In A. Yasnitsky (Ed.), *Questioning Vygotsky’s Legacy: Scientific Psychology or Heroic Cult* (pp. 1–21). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A., & Ferrari, M. (2008a). From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 44(2), 119–145.
- Yasnitsky, A., & Ferrari, M. (2008b). Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school. *History of Psychology*, 11(2), 101–121.
- Yasnitsky, A., & Van der Veer, R. (Eds.). (2016a). *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies*. London & New York: Routledge.

- Yasnitsky, A., & Van der Veer, R. (2016b). *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies: The State of the Art & New Perspectives*. Presented at the Joint Meeting of the European Society for the History of the Human Sciences (ESHHS) & International Society for the History of Behavioural and Social Sciences (CHEIRON), Barcelona, Spain. Retrieved from <http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/presentationBarcelona-2016.pdf>
- Yasnitsky, A., Van der Veer, R., Aguilar, E., & García, L. N. (Eds.). (2016). *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado*. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores.
- Yasnitsky, A., van der Veer, R., & Ferrari, M. (Eds.). (2014). *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*. New York: Cambridge University Press.
- Zavershneva, E. (2012). Investigating the manuscript of L.S. Vygotsky's "The historical meaning of the crisis in psychology." *Journal of Russian and East European Psychology*, 50(4).
- Zavershneva, E. (2014). The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology. In A. Yasnitsky, R. Van der Veer, & M. Ferrari (Eds.), *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology* (pp. 63–97). Cambridge: Cambridge University Press.
- Zavershneva, E. (2016). Vygotsky the unpublished: an overview of the personal archive (1912-1934). In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 94–126). London & New York: Routledge.
- Zavershneva, E., & Van der Veer, R. (Eds.). (2018). *Vygotsky's Notebooks. A Selection*. New York: Springer.
- Zhang, R. (2019). Rethinking Vygotsky: a Critical reading of the semiotics in Vygotsky's cultural-historical theory. In A. Yasnitsky (Ed.), *Questioning Vygotsky's Legacy: Scientific Psychology or Heroic Cult* (pp. 43–64). London & New York: Routledge.
- Александрова, Е. А. (2016). *Конференция по нейропсихологии в научной группе Л.С. Выготского (начало 1930-х гг.): результаты исследования архива А.Р. Лурии*. Presented at the Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2016». Секция «Психология». Подсекция «Актуальные проблемы нейропсихологии», Москва.

Retrieved from <http://lomonosov->

msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8477/uid102037_report.pdf

- Ахутина, Т. В. (2012). Комментарии к двум документам из архива А.Р.Лурии. *Вопросы Психологии*, (4), 71–85.
- ван дер Веер, Р. (2012). Рукописи не горят, не так ли? *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (1), 139–144.
- ван дер Веер, Р., & Завершнева, Е. (2012). «To Moscow with love»: Реконструкция поездки Л.С. Выготского в Лондон. *Вопросы Психологии*, (3), 89–105.
- Выготский, Л. С. (1930). Психика, сознание, бессознательное. In К. Н. Корнилов (Ed.), *Элементы общей психологии (Основные механизмы человеческого поведения)*. Год 1. Вып. 4. (pp. 48–61). М.: Издательство БЗО при педагогическом факультете 2-го МГУ.
- Гольдберг, Э. (2012). «Спасибо за эти замечательные материалы – очень интересно». *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (1), 121–123.
- Гончаров, О. А. (2013). Комментарий к статье А. Ясницкого «Курт Коффка: “У узбеков ЕСТЬ иллюзий!” Заочная полемика между Лурией и Коффкой». *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (3), 26–32.
- Дмитриев, А. (2007). “Академический марксизм” 1920-1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства. *Новое Литературное Обозрение*, 10—38.
- Завершнева, Е. (2008а). Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 1). *Вопросы Психологии*, (1), 132—145.
- Завершнева, Е. (2008b). Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 2). *Вопросы Психологии*, (2), 120–136.
- Завершнева, Е. (2009а). Исследование оригинала рукописи Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса». *Вопросы Психологии*, (6), 119–137.

- Завершнева, Е. (2009b). «Ключ к психологии человека»: комментарии к блокноту Л.С. Выготского из больницы «Захарьино» (1926 г.). *Вопросы Психологии*, (3), 123—141.
- Завершнева, Е. (2012). Еврейский вопрос в неопубликованных рукописях Л.С. Выготского. *Вопросы Психологии*, (2), 79—99.
- Завершнева, Е. (2013). «Молюсь о даре душевного усилия»: мысли и настроения Л.С. Выготского накануне революции 1917 г. *Вопросы Психологии*, (3), 125—142.
- Завершнева, Е. (2015a). Две линии развития категории “смысл” в работах Л. С. Выготского. *Вопросы Психологии*, (3), 116—132.
- Завершнева, Е. (2015b). Представление о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л. С. Выготского. *Вопросы Психологии*, (4), 119—135.
- Завершнева, Е. (2015c). Проблема свободы как отличительной характеристики человека в работах Л.С. Выготского. *Вопросы Психологии*, (5), 89—106.
- Завершнева, Е., & Ван дер Веер, Р. (2017). *Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное*. М.: Канон-Плюс.
- Завершнева, Е., & Осипов, М. (2010). Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л.С. Выготского. *Вопросы Психологии*, (1), 92—103.
- Завершнева, Е., & Осипов, М. (2012). Сравнительный анализ рукописи “(Исторический) Смысл психологического кризиса” и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания сочинений Л.С. Выготского (1982) под редакцией М.Г. Ярошевского. *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (3), 41—72.
- Зинченко, В. П. (2003). «Да, очень противоречивая фигура...». *Журнал Практического Психолога*, (1—2), 162—179.

- Кайлер, П. (2012). «Культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа»: От мифа (обратно) к реальности. *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (1), 34–46.
- Коул, М. (2012). Комментарии к предыдущим комментариям. *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (1), 128–132.
- Кременцов, Н. Л. (1994). Равнение на ВАСХНИЛ. In М. Г. Ярошевский (Ed.), *Репрессированная наука. Выпуск 2* (pp. 83–96). СПб.: Наука.
- Кременцов, Н. Л. (1997). Принцип конкурентного исключения. In Э. И. Колчинский (Ed.), *На переломе: советская биология в 20-х -- 30-х гг. Вып. 1* (pp. 107–164). СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН.
- Ламдан, Э. (2013). У кого были иллюзии? Среднеазиатские эксперименты А.Р. Лурии с оптическими иллюзиями. *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (3), 53–65.
- Лурия, А. Р. (2012). Письма к Л.П. Липчиной из Харькова. *Культурно-Историческая Психология*, (2), 11–19.
- Лурия, А. Р. (2014). Конспект доклада Л.С. Выготского «О сознании». *Вопросы Психологии*, (6), 75–88.
- Лучков, В. В., & Певзнер, М. С. (1981). Значение теории Л. С. Выготского для психологии и дефектологии. *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*, (4), 60–70.
- Ренатус. (2012). «Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста...». *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (1), 114–117.
- Сорокина, М. Ю. (1997). Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки). In *Личность и власть в истории России XIX-XX вв. Материалы научной конференции* (pp. 248–254). СПб.: Нестор.
- Троцкий, Л. Д. (1923). Пролетарская культура и пролетарское искусство. In *Литература и революция* (pp. 136–158). М.: Красная новь.

- Щедровицкий, Г. П. (2001). *Я всегда был идеалистом...* Москва: Путь.
- Ясницкий, А. (2008). Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931 — 1936 гг. *Культурно-Историческая Психология*, (3), 92–102.
- Ясницкий, А. (2009). Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление "Харьковской школы психологии" (1938). *Культурно-Историческая Психология*, (2), 95–106.
- Ясницкий, А. (2011). «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского. *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (4), 1–52.
- Ясницкий, А. (2012а). К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (1), 60–97.
- Ясницкий, А. (2012b). Психология в Первой Столице: История и современность. In Т. Б. Хомуленко & М. А. Кузнецов (Eds.), *Харьковская школа психологии: наследие и современная наука* (pp. 309–351). Харьков: ХНПУ.
- Ясницкий, А. (2012c). Реконструкция поездки А.Р. Лурии на IX Международный психологический конгресс. *Вопросы Психологии*, (4), 86–93.
- Ясницкий, А. (2013). Курт Коффка: “У узбеков ЕСТЬ иллюзий!” Заочная полемика между Лурией и Коффкой. *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (3), 1–25.
- Ясницкий, А. (2015а). *Сталинская модель науки: история и современность российской психологии*. Presented at the Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии, СПб. Retrieved from [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2015\).%20Stalinist%20Russian%20psychology.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2015).%20Stalinist%20Russian%20psychology.pdf)

Ясницкий, А. (2015b). Сталинская модель науки: история и современность российской психологии.

PEM: Psychology. Educology. Medicine, (3–4), 407–422.

Ясницкий, А. (2017). “Орудие и знак в развитии ребенка”: Самая известная работа Л.С. Выготского,

которую он никогда не писал. *Психология. Журнал Высшей Школы Экономики*.

Ясницкий, А., & Завершнева, Е. (2009). Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и

социальной практики. *Новое Литературное Обозрение*, (100), 334–355.

Ясницкий, А., Ламдан, Э., & Ван дер Веер, Р. (2017). «В августе 1941-го»: Неизвестное письмо А. Р.

Лурии в США как зеркало ревизионистской революции в историографии русской психологии.

История Российской Психологии в Лицах: Дайджест, (2), 225—292.